

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
<i>Введение</i>	13
Глава I. Придворный еврей — интендант	23
Глава II. Придворный поставщик	39
Глава III. Финансовый агент и представитель	55
Глава IV. Доверенное лицо правительства	93
Глава V. Коммерческий агент	108
Глава VI. Чеканщик монет	126
Глава VII. Штадлан и посредник	137
Глава VIII. Основатель и покровитель общины	159
Глава IX. Придворный еврей как личность	173
Глава X. Судьбы	188
<i>Примечания автора</i>	203
<i>Именной указатель</i>	237
<i>Список иллюстраций</i>	245

Предисловие

Много лет назад, когда автор этой книги только начала интересоваться феноменом «придворного еврея», она еще была убеждена, что история евреев — пример устойчивого хода прогресса. Осознавая, что история человечества подобна движению качелей — за периодами просвещения следуют периоды политического консерватизма и религиозной нетерпимости — и что темные, иррациональные элементы человеческой природы постоянно восстают против духа и цивилизации, она тем не менее была уверена, что разум и человечность в конце концов победят. Приобщенная к двум различным культурным наследиям, еврейскому и немецкому, автор не ощущала рокового внутреннего конфликта и контраста в подобной связи; это двойное наследие скорее обогащало ее жизнь и расширяло *Lebensgefuehl**. Поэтому она считала нужным с позитивной исторической точки зрения изучать главные интересующие ее вопросы: эмансипацию евреев, то есть процесс их включения в политическую, экономическую и общественную жизнь государства, и ассимиляцию евреев — процесс их адаптации к культуре и духу своего окружения.

Особенно занимала автора история придворных евреев с их красочными и головокружительными карьерами. Рассказы об их внезапном взлете и еще более внезапном падении будоражили воображение. Ее как человека и как психолога живо интересовал необычный характер этих волевых людей, которые благодаря своему уму и энергии, богатству и влиятельности, везению и удаче смогли подняться выше единоверцев. Все больше и больше ее занимал вопрос экономического и социального взлета этих людей, чье возвышение было тесно связано с развитием немецких государств — от

* Мироощущение, осознание своего места в жизни (нем.). — Здесь и далее примеч. переводчика. Примеч. автора, отмеченные цифрами, приводятся в конце книги.

патриархального Средневековья к высокоразвитым юридическим и экономическим структурам. Так, многие еврей-финансисты, чьи интересы совпадали с интересами князей и государств, в которых они жили, становились главнейшими советниками князей и помогали, наперекор аристократии и знати, пролагать путь к новому государству.

Другой стороной этого процесса ассимиляции была реакция христианского общества на проникновение евреев в его ряды, то есть поведение различных классов, корпораций и организаций по отношению к этим людям, которым прежде не было доступа в их круг.

Автор этих строк ощутила, что вопрос о придворных евреях заслуживает внимания не только в политическом и социальном отношении. Для нее они были типичным и символическим феноменом общей истории развития еврейства. Если взглянуть в их судьбы, становится понятным, насколько драматичным было положение европейского еврейства в целом — людей, пытавшихся объединить два разных мира, не отказываясь при этом от своей идентичности. Можно наблюдать, как он старается вжиться в экономическую и гражданскую жизнь того народа, частью которого стал. Придворные евреи представлялись автору предтечами эмансипации, а их история — ранним периодом этого движения.

Мир, в котором мы живем, со временем изменился, а с ним — и наше историческое *Weltbild**: взгляд на то, каким образом он сформировался. Коренное преобразование общества, затронувшее все сферы жизни, открыло новые перспективы и позволило еще яснее понять не только то, как изменение формы государства влияет на экономические и общественные процессы, но и насколько тесно переплетены судьбы евреев с происходящим. Мы осознали, как радикально подобные преобразования — от демократии к диктатуре, от свободной экономики к плановой, от гуманного и либерального понятия о мире к средневековой карикатуре — могут сказаться на положении евреев. Новый опыт и знания заставили нас пересмотреть свои прежние понятия об истории, и мы уже не считаем, что эмансипация — это окончание долгого процесса, приведшего к своего рода симбиозу между двумя национальными группами. Хотя мы по-прежнему осознаем, насколько значительны последствия этого процесса, в ходе которого евреи из гетто стали европейскими евреями, мы склонны считать эру эмансипации лишь одним из множества судьбоносных периодов в истории евреев.

Мы перестали смотреть на ход истории как на постепенное прогрессивное развитие и начинаем верить, что главная основа исторического бытия — постоянное изменение... что все течет, все умирает, чтобы потом суметь возродиться.

* Мировоззрение (*нем.*).

Это умирание и возрождение особенно ярко проявляется в некоторые эпохи — обычно в периоды революций и коренных политических, социальных и экономических перемен. Такие эпохи не только изменяли жизнь наций, но и значительно влияли на судьбу евреев. Примерами могут служить немецкая Реформация, английская, американская и французская революции.

Эпоха абсолютизма тоже была временем коренных перемен. Она ознаменовалась переходом от феодализма к абсолютизму, от империи к национальному государству, от средневековой экономики к денежной и кредитной, от традиционализма к раннему капитализму, от схоластических теорий и канонического закона к естественному праву, от общества корпоративного к обществу, состоящему из самостоятельных индивидуумов.

В настоящем исследовании мы попытались проследить, как изменение исторических условий повлияло на евреев, потому что уверены: это поможет лучше понять, что такое «придворный еврей» как детище переходного периода, эпохи преобразований. Только данное конкретное сочетание исторических условий, то есть дворцового абсолютизма и меркантилизма, или раннего капитализма — когда люди разуверились в старых установлениях, но еще не разработали нового взгляда на жизнь и нового понимания вещей — могло сформировать тип «придворного еврея», сочетающего в себе некоторые характерные черты Средневековья и другие, присущие новым временам.

Немецкий еврей XIX в. — это вполне определенный социальный типаж. Эмансипация и ассимиляция продвинулись настолько, насколько было возможно в тех условиях, и еврей усвоил духовные и культурные ценности окружающего мира. Перед евреем эпохи барокко стояли более трудные задачи, и судьба его была тяжелее. Никто не указывал ему путь; никакая школа и университет не направляли его; не было мощного духовного движения, как во времена Мозеса Мендельсона*, чтобы укрепить его духовно. Врата образования и культуры были еще закрыты для него. Без всякой подготовки или перехода он погрузился в совсем другую культуру, в основе своей гораздо более чуждую ему, чем эпоха Просвещения или девятнадцатый век будут чужды его потомкам. Будучи еще не в состоянии впитать все культурные ценности своего века и сочетать их с воззрениями жителя гетто, он, однако, мог всецело посвятить себя экономической деятельности и внести существенный вклад в эту область. Таким образом, еврей создавал себе материальную основу для борьбы за политическое, социальное и духовное освобождение.

* Мозес Мендельсон (1729–1786) — еврейско-немецкий философ, публицист и богослов, основоположник и глава движения *Гаскала* («еврейского Просвещения»).

Известно, что революции в социальной и экономической сферах происходят раньше, чем в умах, что сначала должно измениться материальное положение общества, и только затем люди созревают для духовной революции. Именно эту задачу выполняли придворные евреи. Изменяя экономическое положение евреев, они расшатывали социальные основы гетто и давали будущим поколениям единоверцев возможность воспринять новые идеи своего времени. Если бы не было Мозеса-Биньямина Вульфа, придворного еврея Дессау, не было бы и Мозеса Мендельсона; без Юспы из Гельдерна, придворного поставщика Пфальца, не было бы и Генриха Гейне; без Баруха Симона, кёльнского придворного еврея, не было бы и Людвиг Бёрне. Берлинские финансисты Эфраим и Итциг подготовили путь еврейскому Просвещению в XVIII в.; Оппенгеймер, Вертгеймер, Эскелес и д'Агилар, придворные советники Австрии, создали условия для знаменитых венских салонов.

Каждому поколению прошлое своей нации видится в ином свете, потому что представления об истории и личный опыт у них разные. Нашему поколению суждено было заново рассмотреть, пересмотреть и истолковать наше прошлое — не только потому, что мы открыли новые исторические источники, обогатившие наши знания, или владеем лучшими методами исторического и психологического исследования, чем прежние поколения, но и потому, что прошли такие испытания, каких не знал ни один еврей за последние двести лет.

Этот опыт не заставит нас впасть в своего рода эскапизм, романтизировать прошлое и сентиментально тосковать о «добрых старых временах». Напротив, трагичность и жестокость нынешних испытаний заставит взглянуть на свое прошлое более объективно, чтобы понять, какие силы нашей истории некогда сформировали и со временем преобразовали нас. Тогда мы, может быть, уразумеем, какая часть этих сил еще живет в нас и до сих пор остается источником бодрости и творчества. Такое осознание не изменит нашей судьбы, но если, оглядываясь на прошлые столетия, попытаться понять, каким был наш путь, это, возможно, поможет легче ее принять. Мудрец однажды сказал: «Что можешь понять, то можешь и вынести».

Этот труд основан главным образом на исследованиях 1920–1938 гг. в почти всех немецких Staats- и Stadtarchiven* — в Анбахе, Берлине, Бреслау, Данциге, Дармштадте, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне и Франкфурте-на-Одере, в Хальберштадте, Гейдельберге, Карлсруэ, Кобленце, Кёнигсбер-

* Государственных и городских архивах (нем.).

ге, Магдебурге, Мюнстере, Нюрнберге, Штеттине, Штутгарте, Тюбингене, Вольфенбюттеле и Вюрцбурге.

С глубоким чувством утраты я, автор этой книги, отдаю здесь дань памяти д-ра Отто Гирша, одного из самых благородных мучеников немецкого еврейства. Постоянно преследуемый, часто пребывая в заключении, он все же неустанно старался не только спасти жизнь немецким евреям, но и сохранять их культурное и духовное наследие. Почти пророчески провидя будущее, он в 1935 г. попросил меня собрать во всех прусских государственных архивах как можно больше еврейских документов, чтобы будущим поколениям были известны мысли, дела и судьба предков. По его запросу д-р Лео Бек, тогдашний президент Reichsvereinigung der Juden in Deutschland*, провел эту идею в жизнь, несмотря на ограничения, которые нацистское правительство накладывало на еврейские исследования. Героизму этих двух великих людей, их преданности своим идеалам, а также неустанной помощи и ободрению со стороны д-ра Якоба Якобсона, тогдашнего директора Gesamtarchiv der deutschen Juden**, я обязана тем, что смогла выполнить свою задачу в тот крайне критический период.

Более всего и в первую очередь эта книга обязана своим появлением моему мужу Ойгену Тойблеру, который, как ни один академический преподаватель, повлиял на мои исторические концепции и методы, провел меня по многим стадиям исследования и написания, с тех пор как основал Forschungsinstitut*** в Akademie fuer die Wissenschaft des Judentums**** в Берлине. Без его конструктивных советов, мудрых комментариев, бесчисленных критических замечаний, без его влияния и сотрудничества эта книга не была бы такой, как теперь.

Пользуясь случаем, выражаю великую признательность д-ру Якобу Р. Маркусу, по чьей инициативе была начата эта монография. Хотя я давно планировала использовать этот материал, но счастливо избежала своего рода краха: трагическая судьба немецкого еврейства была настолько ошеломляющей, что я больше не решалась ворошить память о былом. Интерес д-ра Маркуса к моей работе, в особенности к истории немецких евреев, в конце концов воодушевил меня на продолжение исследований. Его внимание и помощь, а также щедрость и любезность общества Jewish Publication Society***** и д-ра Мориса Джекобса, до недавнего времени исполнитель-

* Имперского объединения евреев в Германии (нем.).

** Общего архива немецких евреев (нем.).

*** Исследовательский институт (нем.).

**** Академии наук о еврействе (нем.).

***** Еврейского издательского общества (англ.).

Зельма Штерн. Придворный еврей

ного вице-президента общества, дали возможность опубликовать эту книгу, так же как несколько лет назад позволили выпустить в свет мой исторический роман «Дух возвращается».

Я благодарна д-ру Ральфу Вейману за его кропотливый труд по переводу сложного немецкого текста, за терпеливое и разумное сотрудничество. Я также в долгу у д-ра Соломона Грейзеля, который читал, перечитывал и правил английский перевод, тщательно и методично проверяя множество подробностей в тексте и примечаниях, и предоставил мне — помимо своих широких познаний — неоценимую помощь по окончательной подготовке книги к печати.

Выражаю искреннюю благодарность д-ру Францу Ландсбергеру за ценные сведения по вопросам искусства, глубокую благодарность руководству и служащим библиотеки Hebrew Union College, в особенности мисс Фриде Инглендер и м-ру Мозесу Марксу, которые также вычитывали корректуру — их любезное содействие облегчило мне пользование книгами и хранилищами библиотеки. Хочу поблагодарить миссис Берту Лаутер, секретаря American Jewish Archives, за любезную и безотказную помощь по вычитке первого варианта перевода и корректур, а также мисс Полин Кольски, секретаря д-ра Маркуса, которая тоже с готовностью помогала при переводе и правке.

Введение

Период, который мы определяем как эпоху дворцового абсолютизма и раннего капитализма — с конца эпохи Возрождения до периода Просвещения — создал новое *Weltanschauung*, новый тип индивидуальности, новые экономические и политические воззрения и новые формы организации общества. Не было больше единого политического и религиозного мира, защищенного мирским мечом императора и духовным мечом папы. На месте всеобщей монархии и всеобщей Церкви выросли сильные отдельные, самостоятельные государства, борющиеся друг с другом, независимые вероисповедания и секты, соперничающие друг с другом. Верховную идею поддержки и защиты Церкви, единственной подательницы спасения, сменила идея поддержки и защиты равновесия сил в Европе. Универсальная концепция абсолютного положительного права сменилась верой в естественное право. На смену вере в Откровение пришла вера в Разум. Жажда приобретения оттеснила идеал бедности. Нравственная концепция государства, основанная на учениях отцов Церкви, уступила место концепции мощи государства, его процветания и интересов, доктрине *Staatsraison**.

Идея *Staatsraison*, за последующие столетия отделившая мораль от политики, придавшая государству столь большое значение, какого до сих пор не бывало, стала самой революционной силой этого времени. Князья и народы, философы и публицисты, чиновники и экономисты — все подчинялись ей. Она контролировала экономику и властвовала над обществом. Она делала правителя всемогущим, как Бог, освобождала его от любых ограничений и наделяла абсолютной властью. Она подчиняла народ, однородную бесправную массу, непреклонной власти главы государства. А правителя побуждала наглядно демонстрировать свою силу и величие,

* Государственного мышления (*нем.*).

тождественную силу и величие его государства, распространять и расширять свои владения, снова и снова доказывать свою мощь и славу, завоевывая другие государства и подчиняя их население. Ради идеи *Staatsraison* на протяжении всего столетия велись бесконечные войны, королевство нападало на королевство, области и города шли в обмен или на продажу, из рук в руки переходили колонии, закладывались наследственные состояния, заключались и нарушались соглашения.

Во имя политической власти сама природа государства подлежала полному изменению и перестройке. Правитель должен был положить конец религиозной, культурной и экономической независимости отдельных областей своей страны, управляемых аристократией или патрицианским сословием, и сплотить их в единое государство.

Одной из первоочередных задач стала реорганизация всей административной системы. С помощью преданных чиновников, верящих в положение римского права о неограниченной власти государства и отлично знакомых с тогдашними концепциями естественного права, следовало упразднить суверенитет отдельных областей королевства и взять все их права под собственный прямой контроль.

Разрыв со Средневековьем особенно резко проявился в экономике. Экономическую систему, основанную на Библии, учении отцов Церкви и каноническом праве, сменил деятельный и жесткий государственный капитализм; торговля и деловая жизнь контролировались сверху посредством законов, предписаний, концессий и предохранительных мер. Меркантилизм, тесно связанный с абсолютизмом, был смелой попыткой решить не только экономические задачи, но и вопросы внутренней и внешней политики, правительственной организации и законодательства. Ни в какую другую эпоху экономическая теория, она же и политическая в полном смысле слова, не была так тесно связана с политической практикой; с другой стороны, никогда принципы экономической теории так не руководили практическим государственным управлением.

Меркантилизм вызвал к жизни систему национального сельского хозяйства, национальной торговли, национальной промышленности и национальной финансовой политики. Главное в этом определении — борьба государства за власть, внешнюю и внутреннюю независимость: внешняя независимость — формирование самостоятельной экономической и политической единицы, внутренняя независимость — сильные, однородные экономические единства вместо свободного взаимодействия корпораций, организаций и сословий.

Чтобы государство достигло такой независимости, меркантилизм должен был повышать благосостояние нации. Для этого поощрялись торговля и промышленность, росла численность жителей, совершенствовалась

система финансов, повышались налоги, реорганизовывалась денежная система. Обеспечивалась защита национальной промышленности от иностранной конкуренции; для этого запрещался вывоз сырья и ввоз готовой продукции, обеспечивалось содействие всем, кто участвовал в производстве материальных благ — купцу, ремесленнику, предпринимателю, банкиру.

Это новое отношение к деньгам, эта жажда золота ради силы и процветания государства была основной чертой абсолютизма. Накопление богатства стало ведущим принципом политической экономии. Теоретики меркантилизма полагали, что долг правителя — обеспечивать благосостояние, наживать деньги и предоставлять их нации. Министерство финансов, объясняли они, — это сердце государства; денежное обращение — кровообращение политики.

Столь же важную роль играла проблема состава населения. Поборники абсолютизма хотели, чтобы государство поощряло иммиграцию, указывали, что производство в большой мере зависит от населения, мощь государства — от числа его жителей.

Такие коренные изменения в политическом и экономическом строении государства привели не только собственно к новому пониманию еврейства, но и к полной перемене в его политическом и экономическом положении. Торговля больше не считалась предосудительным занятием, как в Средние века, стремление к выгоде не возбранялось, купца перестали ставить на одну доску с вором или пиратом, и, естественно, еврей-меняла и торговец должен был предстать в совсем ином свете.

Если считать гонения на религиозные группы и секты пагубными для торговли, если, как многие поборники меркантилизма, полагать, что причиной упадка Испании стало изгнание евреев, а Голландия своим первенством в торговле обязана иммиграции евреев, тогда само собой разумеется, что для процветания торговли и здоровой экономики следовало поощрять приток евреев и быть терпимыми к ним.

Средневековое феодальное государство, подчиненное церкви и ее канонам, отторгало группы, состоящие, по мнению государства, из иноверцев. Их положение, по средневековому праву, приравнивалось к статусу иностранцев. Средневековое общество исключало их почти из всех профессий. Как собственность правителя, они нуждались в его личной защите, за которую должны были расплачиваться тяжелыми налогами. Как всякое другое имущество короны, они составляли важный источник дохода — источник, которым правитель всегда мог распоряжаться и даже, по своему усмотрению, продать его другим феодальным властям или отдать в залог кредиторам.

В эпоху абсолютизма еврейский вопрос был признан весьма важным. Он перешел из области религии в сферу политики и таким образом был

секуляризован. Впервые за всю историю диаспоры он стал вопросом политическим.

Правитель периода абсолютизма, ставя общественные интересы выше личных, подавляя знать и образуя новое чиновничество, создавая регулярную армию взамен наемных войск, централизуя административное управление, тем самым упразднял старые общественные связи и заменял их новыми, более желательными с точки зрения государственной власти.

Также и еврей понимал, что абсолютизм и меркантилизм — мощные факторы, влияющие на все звенья и элементы его жизни. Впервые государство, установив прямую связь со всеми подданными, нашло в своем сложном социальном строении место для евреев. Забрав у феодалов *Judenregal**, поставив евреев под начало государственных чиновников, определив права и обязанности еврейских налогоплательщиков, абсолютистский правитель изменил прежние средневековые отношения с евреями. Они больше не были «рабами казны» (*Kammerknechte*), больше не зависели от милостей и капризов феодала.

Подобное же влияние оказала меркантилистская экономическая политика. Государство стало рассматривать евреев как важный фактор в торговой политике, привлекало их к финансированию торговых компаний и колоний, доверяло им фабрики, банки, ведомства и монополии, использовало их для стимулирования импорта и экспорта — и сделало евреев важной опорой растущей экономики.

Эти тенденции привели к эмансипации евреев в Голландии, к их возвращению в Англию и к улучшению их положения во Франции, а в полной мере реализовались в Германии. Здесь наблюдаются самые разительные перемены в политике по отношению к евреям.

Западные страны под управлением монархов и таких государственных деятелей, как Ришелье и Кольбер во Франции, Вильгельм Оранский в Голландии и Кромвель в Англии, стали сильными едиными государствами, их экономическую жизнь развивало и укрепляло также открытие и основание заморских колоний. Германия, напротив, была истощена Тридцатилетней войной. Священная Римская империя германской нации, когда-то не только теоретический, но и действительный центр Европы, теперь была лишь концепцией или, как ее описывали, химерой, скелетом, чьи части связаны не жилами, а проволокой и не способны двигаться. Император, некогда могучий, бесспорный правитель империи, теперь был только титулованным главой этого странного образования, которое ни республикой, ни монархией не назовешь. По условиям Вестфальского мира двести сорок больших и малых областей, составлявших империю, получили полную

* Право евреев на защиту от преследований (*нем.*).

свободу, полный суверенитет и право заключать договоры с другими правителями, самостоятельно воевать и торговать.

Тридцатилетняя война опустошила их территории, обезлюдил города, разорила жителей, разрушила денежную систему и порвала торговые связи с другими странами. Враги империи завладели всеми их выходами к морю: Швеция получила земли вокруг Балтийского моря, Нижнюю Померанию и теперь господствовала не только на Балтийском море, но и на устьях Одера и Везера; Голландия контролировала устье Рейна; Польша владела Вислой, Франция — Верхним Рейном, Дания — Гольштейном и Ольденбургом.

Вопреки всему этому немецкие князья желали перестроить свои государства в духе абсолютизма и меркантилизма, объединить разрозненные области, которые они унаследовали, аннексировали, отвоёвали или обменяли, создать регулярную армию, современный аппарат управления и превратить свои дворы в малые Версали по образцу двора Людовика XIV.

Еврей-конкуренты в XV и XVI вв. были изгнаны из немецких торговых центров и из большей части крупных земель. Они поселились в деревнях и маленьких городках, во владениях рыцарей, епископов и баронов, где влачили жалкое существование — держали ломбарды, были менялами и разносчиками.

Только в некоторых крупных городах, таких как Франкфурт, Вормс, Фюрт, Вена и немногие другие, евреям обеспечивалось право на жительство. Немецкие евреи не могли участвовать в торговых и финансовых предприятиях, способствующих развитию городов в Верхней Германии. Почти все эти предприятия находились в руках купцов-христиан.

Положение коренным образом изменилось в XVII в. Евреев стали принимать многочисленными группами и на лучших условиях в большинстве немецких земель и городов, им обеспечивалось право организовать общины и без помех исповедовать свою религию.

Идеи веротерпимости играли тут очень незначительную роль. Князья принимали к себе евреев из чисто финансовых побуждений: увеличить население своих земель и пополнить число производителей-налогоплательщиков. В то же время правители надеялись, что с помощью евреев смогут противостоять гильдиям, построить современную денежную и кредитную систему. Но каковы бы ни были их побуждения, такая позиция князей помогала евреям упрочить свое положение.

Однако немецкому князю той эпохи требовался не только наставник в вопросах экономики для его подданных и поддержка его торговой и налоговой политики. В этот период еще не существовало науки полит-экономики, не было государственного кредита, экономика двора и государства еще не разделилась, в системе налогов и в бюджете царил беспорядок,

государственный доход был под залогом. Поэтому князьям требовались способные и опытные финансисты и организаторы, которые обеспечили бы необходимые суммы для политических и экономических нововведений, для ведения войн, для содержания армии и бюджета двора.

В XVI в. купцы из Южной Германии, в частности Фуггеры, ссужали императору крупные суммы. Эти купцы стали самостоятельной силой, некоторое время они влияли на судьбу не только Германии, но и всей Европы. При их финансовой поддержке Карл V был выбран императором Германии и победил французского короля Франциска I. Они ссужали деньги европейским принцам, папам и кардиналам. Они владели шахтами и фабриками, их коммерческая деятельность распространялась во все концы мира.

В XVII в. смелого, предприимчивого купца этого типа больше не существовало. Религиозные смуты и распри, а особенно перемещение торговых путей из Средиземного моря, Италии и Южной Германии к Атлантическому океану и к Западу привели к быстрому упадку немецкой торговли; теперь она была не в состоянии соперничать с западными государствами. На смену гордому, отважному патрицию вольных имперских городов, помогавшему определять ход войн и судьбу Реформации, пришел малодушный, малоимущий буржуа, который боялся любого риска, тратил силы на мелкие интриги, чтобы добиться какой-то должности в своем городке, и ожесточенно противился экономическим и политическим новшествам меркантилистского государства.

Но и многие другие горожане с недоверием и враждебностью смотрели на проникновение авторитарного государства в область своих интересов. Если писатели-меркантилисты и либеральные чиновники восхваляли эксперименты абсолютизма, то поборники традиций и противники капитализма отказывались участвовать в начинаниях государства. Они верили в богословские и схоластические теории Средневековья или в лютеранскую этическую доктрину экономики. В природном «сословном» строении они видели систему, где у каждого класса своя работа, предназначенная ему Богом и защищенная правящим сословием. Они все еще полагали, что деньги непроизводительны, что стремление к выгоде следует пресекать, что предоставлять кредит нельзя — и поэтому боролись против монополий, свободной инициативы и свободы профессий.

Из этого следовало: если князь желал вызволить свое государство из шаткого финансового положения, ему приходилось искать предпринимателя, который не связан религиозными и корпоративными узами, а значит, смотрит на экономические и политические проблемы таким же трезвым, непредвзятым взглядом, как и сам князь. Такой предприниматель должен знать международный денежный рынок, быть знакомым с самыми крупны-

ми финансистами Европы и потому в состоянии добывать необходимые суммы.

Император вознаградил Фуггеров за их ссуды дворянскими титулами, правом чеканить монету и разрабатывать рудники, они даже получили монополию на серебряные копи в Венгрии и месторождения ртути в Испании. Еврей, снабжающий деньгами князей, должен был довольствоваться менее солидными вознаграждениями. Достаточно было поднять его положение в обществе — дать ему выгодные концессии, обеспечить особые привилегии и льготы. Так банкир и финансовый агент становился снабженцем армии, советником двора и торговым предпринимателем. И это еще не всё. Такая финансовая деятельность, в те времена тесно связанная с дипломатией, приводила еврея к участию в большой политике. Его использовали для секретных миссий, в политических советах, в переговорах о перемирии и в военных действиях. Через его личное посредство покупались и продавались земли и должности. Через его финансовые операции приобретались курфюршества и короны, через его агентов можно было получить самые последние новости и самые достоверные сведения. Таким образом, придворный еврей служил тайным агентом и шпионом, или корреспондентом, консулом и дипломатическим курьером.

Он пополнял государственную казну, что приводило к близкому общению с внутренними правительствами земель. Финансовый советник с готовностью составлял сметы, управлял казной, собирал налоги, чеканил монету, предлагал всевозможные проекты и продвигал продукцию отечественного производства.

Если мы сегодня удивляемся, как одному-единственному человеку было возможно и закупать для двора предметы роскоши из Франции, Италии, Голландии или с рынков Германии; и поставлять армии амуницию из Польши, Богемии, Моравии или Украины; и добывать деньги из самых разных банков и с бирж Европы; и вести обширную переписку с деловыми партнерами и агентами; и подсчитывать расходы княжеской казны; и составлять проекты по увеличению доходов государства; и строить мануфактуры, вывозить и ввозить всевозможные товары — следует вспомнить, что оптовая и розничная торговля, ростовщичество и промышленность, импорт и экспорт еще не успели разделиться и обособиться. Крупные купцы эпохи Возрождения в Италии и Верхней Германии таким же образом держали банки, мануфактуры, шахты и торговые компании в единой фирме и одновременно служили финансовыми и политическими советниками князей.

Придворный еврей был таким же обязательным нововведением, как чиновничество и регулярная армия; это видно по тому, что он обнаруживается практически при каждом дворе и в каждой стране. В этом столе-

тии, когда иезуиты боролись с янсенистами, пуритане — с англиканами, лютеране — с кальвинистами, когда Франция преследовала гугенотов, а Австрия — протестантов, когда тридцать лет длилась разрушительная война по религиозным причинам, религия придворных евреев стала делом второстепенным. Австрия когда-то изгнала всех своих евреев, но теперь стала страной Оппенгеймера, Вертгеймера, Зинцгеймера, Гиршеля и д'Агилара. Саксония, ранее поборница самых нетерпимых форм протестантизма в Германии, земля, куда евреи допускались только на время Лейпцигской ярмарки, теперь вынуждена была принять Лемана, Леви и Меера. В лютеранском Вюртемберге, в прошлые столетия запретном для евреев, теперь играл свою знаменитую роль «еврей Зюсс». В Восточной Пруссии, некогда вотчине Тевтонского ордена, разворачивал свою деятельность Израэль Арон, придворный советник Великого курфюрста Бранденбургского. Мекленбург, Брауншвейг и Ганновер, куда ранее евреям не было доступа, стали свидетелями возвышения Хинриксена, Хагена и Берендса. Евреи обнаруживаются при таких дворах, как мюнхенский и венский, где правят иезуиты; они служат и таким просвещенным, веротерпимым правителям, как Великий курфюрст и Карл-Людвиг Пфальцкий, и таким негибачаемым кальвинистам, как Фридрих-Вильгельм Прусский, и умеренным лютеранам, таким как графы Гессенские, и фанатичным католикам, таким как Виттельсбахи в Баварии, и воинственным прелатам, таким как епископ Мюнстерский, и таким безразличным к религии, легкомысленным правителям, как Эрнст-Август Ганноверский и Фридрих-Август Саксонский, и таким новообращенным поборникам католичества, как Иоганн-Фридрих Брауншвейг-Люнебургский и королева Швеции Кристина.

Придворный еврей, дитя своего времени, порождение особого сочетания дворцового абсолютизма, меркантилизма и культуры барокко, не был, однако, всего лишь автоматом, творением правителя и слепым исполнителем его воли. Это индивидуальность с яркими, выразительными чертами и свойствами, первый хорошо узнаваемый персонаж Нового времени в еврейской истории. От придворного еврея прежних времен его отличает не только разнообразие деятельности — он и финансист, и дипломат, и коммерсант, и политик, — но и присущие ему усердие, неутомимость, вкус к торговым операциям, неуемная жажда успеха, страсть к деньгам и прибыли, стремление взбираться все выше и всецело уподобиться своему окружению речью, одеждой и манерами. Отличается он и от придворных евреев эпохи Просвещения, и от евреев XIX в. — те останутся лишь банкирами и финансовыми советниками своих князей и будут исполнять свои обязанности весьма рассудительным и деловым образом; а он не боится опасности, сплошь и рядом идет на риск, разделяя свойственную его времени причудливую любовь к приключениям, и всем этим напоминает

нам кондотьеров эпохи Возрождения или первых поселенцев в Северной Америке.

Капитализм обычно описывался как господство капитала над человеком, экономической функции — над человеческим сердцем. Придворный еврей никогда не был *homo capitalisticus** в этом смысле. Он всегда представлял себя единым целым со своими трудами, ставил преданность и способность к жертвам на службу своему князю. Подобная глубоко личная связь между этими двумя, основанная на полном доверии князя и абсолютной честности и преданности придворного еврея, укреплялась не только общими интересами. Еще что-то сближало их, уподобляло друг другу даже по судьбе. Глубокое различие в общественном положении, культуре, национальности и традициях разделяло их, но оба были обречены на одиночество: князь — своим всемогуществом и недоступностью, придворный еврей — своим рождением и религией, которые отделяли его от всех слоев общества и повсюду делали отверженным.

Кто-то может усмотреть в придворном еврее типичные черты современного предпринимателя, отличающие его от средневекового купца. Тем не менее он оставался евреем из гетто, этот опыт и судьба привязывали его к общине и удерживали в рамках своего религиозного и социального единства. Поэтому он мог использовать свое привилегированное положение при дворе для помощи своему народу, быть ему защитником и покровителем, организовать и возглавлять общинную жизнь евреев, обеспечивать им новые места для жительства. Он мог использовать политический опыт, накопленный на государственной службе, для борьбы за общие права для всех евреев, взамен особых прав для немногих привилегированных.

Эти благородные черты придворного еврея время от времени вытеснялись спесью и высокомерием, властолюбием, мстительностью. Но даже такое сочетание хороших и дурных свойств, такая неустойчивость и неуравновешенность типичны для еврея тех времен, в котором уживались еврей из гетто и еврей эпохи эмансипации, религиозные верования Средневековья и зарождающийся рационализм нового времени.

Трагическая судьба постигла многих придворных евреев, повергла их в бедность и отчаяние, но не по их вине, а из-за хаоса, царившего в тот период. Они пали, потому что были носителями новых, революционных политических и экономических воззрений, вызвавших ожесточенное сопротивление старых легитимистских сил.

* Капиталистическим человеком (*лат.*).

Глава I

Придворный еврей — интендант

Эпоха дворцового абсолютизма, с 1640 по 1740 г., названа также эпохой Людовика XIV¹, поскольку именно в этом французском монархе наиболее ярко и полно воплотилось представление о божественном праве королей и отождествлении правителя с государством. Большинство европейских государств следовали французской форме правления: французская культура и французский язык стали культурой и языком всех европейских дворов, а этикет и церемониал Версальского двора служили образцом практически для каждого правителя.

Именно в эпоху Людовика XIV, однако, Франция вознамерилась добиться гегемонии над почти всеми остальными государствами и на несколько десятилетий превратила Европу в поле битвы. Впервые эти затяжные войны велись регулярными армиями, чья подготовка, содержание, провиант и экипировка требовали огромных денежных вложений.

В этих битвах Франция стремилась сломить господство Габсбургов, которые со времен Карла V правили в Старом и Новом Свете. Европейские правители сражались то за одну сторону, то за другую — в зависимости от того, сколько денег им обещано за содействие и насколько обильна добыча.

Главой дома Габсбургов был Леопольд I. Он правил Австрией, Богемией, Моравией, Силезией и частью Венгрии, а в 1658 г. стал германским императором. Прежний кронпринц умер молодым, и бразды правления внезапно и неожиданно, причем в самый критический период австрийской истории, оказались в руках восемнадцатилетнего Леопольда, которого раньше прочили в служители церкви. Юный монарх чувствовал себя совершенно не готовым к тяжелой обязанности сражаться с мощными внутренними и внешними врагами. Внутренними врагами были немецкие князья, которые при поддержке Франции, гаранта немецкой свободы, все